

6.2. Историко-этнографические особенности района

Основные особенности изучаемого района состоят в том, что в качестве природно-ландшафтного образования он представляет собой единое целое (разд. 6.3), а с точки зрения этнографии — делится на две половины. На континентальной части (на западном побережье Уницкой губы) еще в XIX веке проживали карелы, а в полуостровной части — русские. Карельское население было представлено кондопожской группой карел-людиков, русские —

группой «заонежан» (Никольская, 1965; Логинов, 1993). Впрочем, к середине XIX — началу XX веков карелы на западном побережье Уницкой губы большей частью уже обрусели (Никольская, 1965, с. 8). К этому времени людики представляли собой крупную *субэтническую* группу карел, а русские Заонежья *малую субэтническую* (именуемую еще и *этнолокальной*) группу русских Карелии (Логинов, 2008).

У кондопожских карел-людиков и русских «заонежан» были свои собственные исторические судьбы, собственная этническая история и этническая культура. Изучены же эти группы крайне неравномерно. Так, сведения по народной культуре заонежан активно собирал еще П. Н. Рыбников (Рыбников, 1866), а со времени основания музея-заповедника «Кижы» в 1960 г. стали накапливаться регулярно (Логинов, 1993а, 1993б, 2001 и др.). По кондопожской группе людиков систематический сбор материалов вела одна лишь Р. Ф. Никольская (Тароева) (АКНЦ, Ф. 1, оп. 20, д. 279—281; Ф. 1, оп. 29, д. 39—45, 54—60, 417—419). Только в последние годы была выдвинута задача углубленного изучения данной группы карел (в основном усилиями Кондопожского краеведческого музея и Национального музея Республики Карелия), однако обобщающих публикаций до настоящего времени нет.

Исследуемая территория, как и другие побережья Онежского озера, была заселена людьми после таяния ледников еще в середине VII тыс. до н. э. (Археология Карелии, 1996, с. 36—61). Однако об этнической принадлежности древнейшего, а также мезо-неолитического и энеолитического населения Обонежья по археологическим культурам и артефактам исследователи судить не могут. Весь этот огромный промежуток времени до середины I тыс. до н. э. они называют периодом «демогенеза».

Этногенез (происхождение народов) в Карелии принято изучать со времени появления здесь первых финно-угров. Общая точка зрения археологов Карелии сводится к тому, что носители финно-угорской культуры продвинулись сюда из Приуралья в начале железного века, т. е. в середине I тыс. до н. э. (Археология Карелии, 1996, с. 5—6, 371, 375). Считается, что древнейшие финно-угры на Русском Севере являли собой некую прибалтийско-финско-саамскую языковую общность, которая, просуществовав около 500 лет, распалась на прибалтийско-финскую и саамскую (Karhonen, 1981; Муллонен, 1991, с. 190—191; Муллонен, 1994, с. 118—119). Древние саамы заселили Финляндию с Карелией и прилегающие территории, хоть и не столь повсеместно, как предполагалось ранее (Муллонен, 2010).

Древние саамы были лесным народом, «классическими» охотниками на дикого северного оленя Евразии (Симченко, 1975), в Обонежье так просто и удобно было совмещать охоту с ловом ценных пород рыбы — сига, лосося и пальи (Логинов, 2000). В качестве этнического субстрата саамы вошли в состав как карел-людиков, так и заонежан. Вокруг с. Шуньга саамы просуществовали в качестве особой группы, именуемой «шуньга» (Агапитов, Логинов, 1992) вплоть до ассимиляции их непосредственно русскими выходцами из Пскова и Новгорода в XIV—XVI веках. Именно вхождение данной группы саамов в состав местных русских послужило основанием для распространения на этих русских общего обидного прозвища «глупа шуньга».

Слово «шуньга» в русских диалектах Обонежья означает «плавающие на воде листья кувшинки» (Монахова, 2012, с. 591). На связь с саамским языком данного слова, означающим в топонимике «заливное болото», «осоковое болото», первым указал В. Н. Лескинен (Лескинен, 1967, с. 84). Основные поселения саамской «шуньги» (Шуньгский бор, Куднаволок, Лопская матка и др.) располагались к северо-востоку от изучаемой территории, на Шуньгском полуострове. Название «шуньга» (Шуньгский наволок в Кефтьень губе) встречается всего один раз (Лескинен, 1967, с. 81). К саамскому слову, означающему «грязь», восходит название селения Лижма и одноименной губы Онежского озера (там же), юго-восточная часть которой тоже входит в обследуемую территорию. Убедительный саамский пласт топонимии (к западу и юго-западу от Святухи) выявила И. И. Муллонен. Это Карасозеро («узкое озеро») — собственно озеро и наименование сельского административного центра в северо-западном Заонежье; озера Ойбозеро и Войбозеро («голова») на территории Кажемского

сельского совета; Янгора, или Янская гора («большая гора») - самая заметная возвышенность на изучаемой территории; Вянишполе («онежская сторона») - название деревни со стороны Онежского озера в Вегорукском кусте деревень Ламбасручейского сельсовета и т. д. (Муллонен, 2010, с. 160-169).

Фольклорно-этнографических и археологических свидетельств проживания саамов не сохранилось. Однако, учитывая данные топонимики, трудно предполагать, что перешейки между многочисленными вытянутыми с севера на юг озерами, столь удобные в летнее время для активной охоты и устройства на них загородок, направляющих оленей в ловушки, не использовались местной группой саамов для добывания мигрирующих оленей. Уницкая губа, Фоймогуба, Кефтень губа, Космозеро, Святуха и др. предоставляли еще и прекрасные условия для столь любимых саамами «весновальных» перекочевков, связанных с весенним ловом рыбы на вскрывающихся ото льда участках. Наконец, водные пути и волоки через все эти губы, озера и перешейки (см. ниже) позволяли существенно сокращать путь с юга на север и в обратном направлении летом, когда вставал вопрос о том, стоит ли огигать Заонежский полуостров по бурливому и опасному Онежскому озеру. Еще более короткими пути в направлении север - юг становились зимой. Не случайно на вопросы по поводу саамов наши информанты-заонежане вспоминали, что саамы, вызванные в сталинские времена с Кольского полуострова в Москву, непременно использовали исследуемую территорию для проезда на своих оленьих упряжках. Пока Шуньга была крупным торговым селом, они туда заезжали, а позднее спрямляли путь. После остановки за озером, напротив деревень Сигово и Федотово, саамы совершали марш с таким расчетом, чтобы ночную стоянку сделать в юго-западной части полуострова, на беломошных борах у д. Пегрема (в урочище Лопские Ямы), имевших пригодный для питания оленей ягель. Есть основания для уверенности в том, что археологи когда-нибудь найдут следы стоянок древних саамов по обеим сторонам Уницкой губы.

Территории нынешнего Русского Севера, как минимум до середины XIII века, не входили в состав Русского (Новгородского) государства (Кочкуркина, 2012, с. 6). Поэтому начиная с X века их экономической и этнической колонизацией занимались все народы, у которых в этом был свой интерес. В этом отношении на начальном этапе наибольшие усилия приложило раннее государственное образование с центром в г. Ладоге (Старой Ладоге) на р. Волхов, господствующий класс которого составляли варяги, представители приладожской чуди (древние вепсы) и в малой степени - славяне (Мачинский, Мачинская, 1988; Лебедев, 1996). Это были не восточные, а западные славяне из Южной Балтии (Васильев, 2005, 2008). По версии В. А. Агапитова (Агапитов, 2011), именно последним принадлежит честь весьма активного освоения Обонежья в целом. Главной целью раннесредневековых колонистов Карелии была добыча или взимание с местных саамов ценной пушнины (европейского соболя, бобра и куницы), которая потом перепродавалась в страны Запада и Византию.

Месторасположение колонии западных славян на исследуемой территории В. А. Агапитов, опираясь на данные топонимики, вычислил в районе поселения Вегорукса (Агапитов, 2011, с. 4). Он же выявил в заонежском диалекте (и многих других русских диалектах Обонежья) большое количество так называемых «темных слов». Их происхождение прежде связывалось с влиянием на русские диалекты прибалтийско-финских языков. Однако такие слова не этимологизируются из этих языков, но в изобилии встречаются в словарях диалектов западных славян, когда-то проживавших в северной Германии. По мнению В. А. Агапитова, этому же этносу принадлежит честь присвоения этнонимов «ливвики» и «людики» прибалтийско-финским племенам, осевшим на перешейке от Ладоги и в глубь материка, вдоль западного и южного берега Онежского озера. При этом следы прежнего расселения в регионе прибалтийско-финского населения прослеживаются еще более рельефно - почти вся нерусская топонимия исследуемого района, а также западного Обонежья и Заонежья восходит к древневепсской и людиковской, различать которые друг от друга исследователи пока не научились.

До настоящего времени сохранилась в народе память о раннесредневековых путях продвижения по территории. Из залива Мелай губа через самый узкий участок Заонежского полуострова в Средневековье и Новое время (пока не были построены сухопутные дороги) вели несколько удобных водно-волоковых путей. При продвижении к Белому морю из Мелай губы (от д. Кокорино) двигались через урочище Вижматка на Ладмозеро и далее на Ванчозеро, миновав которые путешествующие оказывались последовательно в Кефтьень губе, заливе Святуха и выплывали в северный (Повенецкий залив) Онежского озера. Далее через р. Немена и волок выходили на оз. Верхний Выг, затем на оз. Выгозеро, с которого могли двигаться к морю по р. Нижний Выг или по водно-волоковой системе через р. Сумозеро.

При продвижении в сторону Шуньги путешествующие направлялись на Мягрозеро и далее по маршруту: Горелая Матка¹ (западный берег Мягрозера), Ружиматка (западный берег Космозера), Региматка (западный берег залива Святуха), Кугаматка (восточный берег Святухи), Валгомозеро и Шуньга. Из Шуньги путь шел на север через урочище Муняматка, Лопская Матка и уд. Кудनावолок выходил на берег Онего. Из района Шуньги, с оз. Путкозеро² (в прошлом — Маткозеро) легко добирались через волок у д. Онежаны на Падмозеро и рекой Путкой выходили в залив Онежского озера к Пальострову и Толвуе. Далее двигались по Онежскому озеру в сторону Челмужского залива, на берегу которого в течение более 60 лет располагалось поселение приладожской чуди (Спиридонов, 1987). Это население в X веке контролировало продвижение пушных товаров и моржовой кости вдоль противоположного Заонежью восточному побережью Онежского озера. Обширную отмель между Заонежским полуостровом и Челмужами обходили с севера — и в Челмужский залив проходили по единственному глубокому проливу между островами Ваблок (что переводится с саамского как «фарватер») и Кайнос (что с того же саамского переводится как «путь», «дорога») (Муллонен, 2010, с. 161). Таким образом, водно-волоковые пути изучаемого района были освоены местным населением еще с глубокой древности.

Приладожская чужь — главный этнический компонент, из которого сформировался этнос древних вепсов (Пименов, 1965). В XII—XIII веках древние вепсы расселялись уже в качестве земледельцев, а не торговцев и промысловиков. Ими была освоена и заселена значительная территория, намного перекрывавшая современные ареалы расселения карел и русских Южной Карелии (Муллонен, 2012, с. 15). При расселении среди местных саамов древние вепсы становились господствующим этносом. Но уже со второй половины XIII — начала XIV веков они сами стали подвергаться мощному культурно-этническому воздействию со стороны иных народов. На территории Заонежья влияние исходило большей частью от русских, на материковой части Уницкой губы — от карел.

Влияние со стороны карел стало нарастать после захвата новгородцами в последней трети XI века г. Ладоги. Карелы, будучи близкими союзниками новгородцев, получили своеобразный «карт-бланш» на освоение территорий Русского Севера, чтобы сломить власть сохранившихся «чудских старост» и мелких князьков былой приладожской и скандинавской знати. Там, где не имелось открытого сопротивления прежней власти и густой сети поселений древних вепсов, временно-оседлые фактории карел по северу продвигались очень быстро. Уже через 100 лет, к концу XII века, они появились в районе современного г. Архангельска (Бубрих, 1971, с. 17).

Переходу от торгово-промысловой колонизации территорий Русского Севера к оседлому земледельческому образу жизни у карел, как и древних вепсов, предшествовал промежуточный период так называемой «временно-оседлой» колонизации (подробнее см.: Логинов,

¹ Любопытным топонимом на «матк» переводится с прибалтийско-финских языков как «путь».

² На восточном берегу оз. Путкозеро (напротив д. Батово) есть гора, именуемая Городок, а рядом с ней до 300 каменных насыпей, похожих на единообразно ориентированные могилы. Народные предания связывают возникновение комплекса с польско-шведской интервенцией начала XVII века. Но в «Писцовой книге Обонежской пятины» за 1618 г. нет упоминаний об укрепленном городище на Путкозере. Остается одна версия — данный комплекс, как и большинство старинных поселений Обонежья с названием «Городок», создавался в раннее Средневековье (XI—XIII вв.).

2001а, с. 44-45). Этот переход завершился к началу XIII века, когда ценный пушной зверь на Русском Севере был большей частью уже истреблен, поэтому потребовалось находить иные, чем доходы от пушной охоты, средства к существованию. Они заключались в развитии комплексных занятий, сочетающих земледелие с разведением крупного рогатого скота, с охотой, рыболовством и другими местными промыслами. Отметим, что рыболовство становилось доходным лишь после экспроприации самых уловистых промысловых тоней ценных пород рыб у автохтонного населения - саамов. Таким образом, на территориях расселения финнов, древних вепсов, карел и русских местные саамы быстро нищали, переходили в наемные работники к новопоселенцам, а через два поколения уже полностью среди них ассимилировались (Вилкуна, 1970).

Первые русские колонисты начали переселяться на Север тоже только после падения Старой Ладogi. К XII веку восходят зафиксированные в Заонежье следы «еще неразделенного Псковско-Новгородского диалекта» (Герд, 1979, с. 209-210). Вряд ли носители говора XII века, будучи в основном беглыми и иными неорганизованными переселенцами, успели в том же самом веке навсегда обосноваться в исследуемом районе. Только письменные документы, восходящие к 1375 и 1464 гг. (Уставные грамоты крестьян Шуньгского, Толвуйского, Кузарандского и Челмужского погостов), обнаруживают в конце XIV - середине XV веков в центральной и северо-восточной части Заонежья уже достаточно многочисленное чересполосно проживавшее русское и прибалтийско-финское население. Авторы коллективной монографии «История Карелии с древних времен» возводят время массового переселения крестьян из Псковско-Новгородских земель в Заонежье ко второй половине XIII - середине XIV веков (История..., 2001, с. 73-74).

После присоединения Новгорода к Московскому государству в 1478 г. этническое развитие населения на территориях к западу и востоку от Уницкой губы стало происходить по-разному. В Водской пятине (территории к западу от Онежского озера) еще три века практиковалась система самоуправления (местной карельской администрацией), что способствовало ориентированию в области этничности на карельский этнос. В Обонежской пятине управление велось русскими на русском языке. Последнее обстоятельство способствовало быстрому изменению этничности дославянского населения.

Процесс обращения древних вепсов в карел (ливвиков и людигов) на территории Карелии, в том числе и на западном берегу Уницкой губы, описан Д. В. Бубрихом (Бубрих, 1947, 1971). Лишившись административного центра в Старой Ладoge, древние вепсы на местах не могли долго противостоять поселенческой и культурной экспансии карел, выдвинувшихся на территориях Русского Севера в состав политической элиты. Близость языков облегчала межэтническое взаимодействие двух этносов. Это приводило к тому, что древние вепсы в контактных зонах и местах чересполосного расселения начали причислять себя к более элитарному этносу - карелам. При этом изменялось этническое самосознание древних вепсов, а этноним (самоназвание) оставался прежним³. Та часть древней вепсы, что проживала западнее и плотнее контактировала с карелами, в большей степени изменила свой язык и культуру. Данная группа продолжила свое существование в качестве карел-ливвиков. Язык и культура людигов изменились в меньшей степени⁴.

На территории Заонежья (и на восточном берегу Уницкой губы тоже) процесс ассимиляции древних вепсов протекал иным образом. Во-первых, карелы, переселявшиеся в Заонежье, не стали там доминирующим элитным этносом. Во-вторых, и древние вепсы, и карелы, в отличие от саамов, в Заонежье имели приблизительно равный социальный и экономический статус

³ До начала 1930-х гг. ливвики и людики не распространяли на себя общее для собственно карел самоназвание *karjala*.

⁴ Разрыв былого ареала расселения древних вепсов в Обонежье русскими новопоселенцами привел к тому, что не подвергшиеся влияниям карел шелтозерские вепсы и карелы-людики продолжают пользоваться одним и тем же этнонимом «людики».

с русскими поселенцами. Поэтому ассимиляция русскими в Заонежье как древних вепсов, так и карел проходила не в одно-два поколения, а через весьма длительный период «билингвизма», когда дославянское население одновременно пользовалось и родным, и русским языком параллельно. Принято считать, что период билингвизма в Заонежье завершился «в основном в XVI в.» (Мамонтова, 1974, с. 38). Это «в основном» не касалось северо-восточной части исследуемого района (территории Карасозерского прихода)⁵, заселять которую русские активно начали только в XVII—XVIII веках. Здесь древние вепсы тоже вполне могли успеть превратиться в людики. А сами людики, по крайней мере до XVIII века, в этой части Заонежья полностью сохраняли свою этническую идентичность. Этому очень способствовала частая «подпитка» территорий Заонежья все новыми и новыми волнами карел-переселенцев из Финляндии и с Карельского перешейка, прекратившаяся только в послепетровскую эпоху (Логинов, 2001а, с. 365). Наконец активный брачный обмен заонежан с кондопожскими карелами⁶ постоянно приводил к тому, что женщины среди семей жителей Вегоруксы, Ламбасручья, Карасозера, Красной Сельги, Диановых Гор и т. д. очень часто оказывались карелками по происхождению.

Особую этноконфессиональную идентичность на западном берегу Уницкой губы показывали жители д. Гангозеро. Согласно их семейному преданию, деревня была основана четырьмя казаками и одним русским старообрядцем, сосланными на поселение на озеро Гангозеро в правление Екатерины Великой. Чтобы не утратить свою веру и этническую самоидентификацию, мужчины-гангозеры в жены всегда брали девушек у соседних карел, а дочерей выдавали замуж за русских Заонежья (Логинов, 2008, с. 102). К началу XX века поселения на западном берегу Уницкой губы все же обрусели. Сказалось наконец влияние элитарности русского языка и русской этничности. На „Этнической карте Карелии“, изданной Д. А. Золотаревым, однако, д. Пегрема обозначена в качестве поселения, в котором присутствуют карелы (Золотарев, 1927). Но данная пометка как раз и означает, что в русскую среду д. Пегрема на памяти жителей подселелись именно пришлые карелы.

⁵ На территории Карасозерского прихода, неподалеку от д. Красная Сельга, карелы и русские вплоть до середины XX века пользовались общим языческим святилищем. Речь идет об урочище Красная Щельга. Согласно рассказам информантов, там располагалась священная скала, к которой люди отправлялись исключительно по завету («Если выздоровею, то не пожалею времени и схожу туда»). Придя в урочище, вырезали ножом или топором в мягкой красноватого цвета породе скалы особые знаки. Знаками служило изображение занедужившего органа (руки, ноги, головы и т. п.) или рисунки, обозначающий человека в целом. В качестве такового выступало семейное клеймо, которым хозяева метили свои ловушки в озере, помечали деревья, растущие на пограничных с соседями межевых полосах. Наш информант утверждал также, что видел знаки из пары старинных (славянского алфавита) букв или современной фамилии человека (Логинов, 1992, с. 63). Поскольку поход к скале в урочище Красная Щельга носил ритуальный характер (соответствовал паломничеству верующего в монастырь с целью возвращения утраченного здоровья), правильным будет вывод: Красная Щельга — это не что иное, как одна из разновидностей исторически позднего каменного культового комплекса. Общим для карел и русских было также празднование Иванова дня у Звонкого камня на о. Колгостров в Уницкой губе. О валунах исследуемого района, не имевших каких-то особых форм, но связываемых крестьянским населением Заонежья с потусторонними силами, в одной из работ В. И. Мельникова имеется хорошая подборка материалов (Мельников, 1998, с. 113—115).

⁶ Поселение, ставшее Уницким погостом, было основано русскими выходцами с о. Кижы только в 1778 г.